

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](http://bookscafe.net)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Лев Александрович Линьков Сердце Александра Сивачева

Приложение к журналу «Сельская молодежь». Библиотека приключений в пяти томах. Т. 1. М., «Мол. гвардия», 1966. 496 с. Тираж 165 000 экз.

ЛИНЬКОВ ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ родился в 1908 году в Казани, в семье учителя. Детство и юность провел в городе Горьком. Работал на заводе фрезеровщиком, затем инспектором рабоче-крестьянской инспекции. Учился в педагогическом и архитектурном институтах. Первые очерки, рассказы и фельетоны Л. Линькова были опубликованы в 1930 году в горьковской областной комсомольской газете «Ленинская смена». С 1932 года работает в «Комсомольской правде», потом служит в пограничных войсках.

В 1939 году по сценарию Л. Линькова поставлен фильм о морских пограничниках «Морской пост». В 1940 году в Детгизе вышла книжка его рассказов «Следопыт», в 1948 году в «Молодой гвардии» — повесть о советской разведке «Капитан „Старой Черепахи“». Повесть неоднократно переиздавалась в нашей стране и в странах народной демократии и была экранизирована в 1956 году.

Среди книг Л. Линькова — повести и рассказы о пограничниках: «Источник жизни», «Отважные сердца», «Пост семи героев», «Большой горизонт», «Малыш с Большой притоки».

Сердце Александра Сивачева

Эту быль, похожую на легенду, нам рассказал осенью 1944 года восьмидесятилетний Яков Брыня, житель белорусской деревни Головенчицы, что близ Гродно. Возможно, и не все сохранила его память — чересчур уж много лиха выпало на седую голову: фашисты насмерть засекли жену — старуха не выдала партизанские тропы, — угнали на каторгу дочь, спалили дом, и сам он поранен — правая рука висит плетью. Но, глядя на его испещренное глубокими морщинами лицо, в глаза его, все еще ясные и мудрые, каждый из нас чувствовал: ничто не сломило гордого человека.

— По-разному живут люди, — начал старик, — кто ярким пламенем горит и себе на весь век и другим света его хватает, идешь за ним — и тепло тебе, и дорогу впереди далеко видать. А бывают и такие, в которых огонек чуть теплится. Комар чихнет — погасит. Таким и под ногами темень...

Гляньте, за крайними хатами земля черным-черна. Там пограничная застава стояла; там и жил старший лейтенант Александр Сивачев с пограничниками.

Солдаты у него были как на подбор, один к одному. И сам товарищ Сивачев хоть и молод был, а с большим огнем в душе! Любили у нас в деревне и Александра, и его бойцов. Не упомянул я, как всех по именам звать. Знаю, заместителем у Сивачева состоял Петр Грищенко, лейтенант. Ординарцем — Ваня Нехода.

Ездовым — Корниенко, тоже Иван. Были еще рядовые: Куприянов, Кононенко, Власов, а других по имени назвать не могу.

В ладу мы, колхозники, с пограничниками жили. Чуть какая неясность либо заминка — к Сивачеву. Он и рассудит и объяснит. Кого неизвестного в поле или в лесу узреем — опять

же на заставу: так, мол, и так, неясный для нас человек вокруг Головенчиц бродит.

По вечерам и воскресеньям вся наша молодежь сбегалась к заставе. У пограничников и баян и балалайка, играли — заслушаешься, и песни пели звонко, а лучше всех играл и пел сам Александр...

Будто вчера та суббота была двадцать первого июня сорок первого года.

Проходил я перед полуночью близ заставы. Гляжу — старший лейтенант вывел своих молодцов, и они окопы лопатами подравнивают: то ли чуял старший лейтенант, что напасть идет, то ли так по планам было положено. Спрашиваю: «Чего, мол, вы так усердно землю тревожите?» Александр только улыбнулся: «Надо, дед».

Ночью я снова на баз к скотине выходил — дом мой находился как раз в соседстве с заставой, — слушаю: звенят лопаты, работают пограничники. А под утро, когда совсем уже светло стало, будто небо треснуло над нашими Головенчицами. Вскочил я, глянул в окно — огонь вокруг! Выбежал в чем был на улицу. Женщины кругом криком кричат, дети плачут, скотина обезумела.

С нашей околицы пальба гремит, на границе. Долго ли сообразить — война!

Фашист напал. Все поджилки у меня от страха затряслись. А чем Сивачеву помочь? Вилами да лопатой пулю со снарядами не упредишь. Пришлось в погребе хорониться. Народу там понабилося! Плач, стон... «Нам-то здесь что, — говорю женщинам, — а каково пограничникам?» Не утерпела душа, выбрался из погреба.

Фашисты всю рвутся — через нашу деревню на шоссе прямой путь. А пограничники не пускают: целую поленницу врагов наложили перед окопами.

Фашисты поняли, видно, — не по зубам орех. Приставили к животам автоматы и пошли по огородам в обход. Пули кругом летят, на лету горят, а пограничники замолчали. Неужто всех перебил проклятый? Только подумал я — опять из окопов пулемет начал стрелять. Фашист спину с пятками показал.

Отлегло от сердца. Подполз к забору. Поле и опушку оттуда видно хорошо.

Гляжу — враги пушки выкатили. Как полыхнет! Меня ветром сдуло, глаза песком забило, вроде ослеп. Земля ходуном ходит — снаряды рвутся на самой заставе.

Вспомнил я прошлую войну, когда сам был в солдатах, догадался: фашист ведет огонь прямой наводкой. Протер глаза, привстал и опять с копыт долой.

Сразу несколько снарядов в казарму угодило. Крышу снесло, дом рухнул, и огонь до самых облаков.

Снова фашисты пошли в атаку. С трех сторон бегут, горланят. Совсем пьяные. А наши опять молчат. Не иначе, на этот раз окаянный враг перебил пограничников. И тут слышу Сашин голос: «Огонь! За Советскую Родину огонь!»

И где силы взяли наши пограничники?! Все вокруг горит, бревна попадали на окопы, земля изрыта снарядами, вроде бы там нет местечка для живого человека — а живы, бьются!

Моя старуха набралась храбрости, выбралась из погреба, за ноги хватает: «Уйди!» Где там уйти! Махнул я на нее рукой: «Сама хоронись!» — и к заставе.

Пули над головой «зик-зик», а потом слышу Ваню Неходу. «Куда ты, дед? Я, — говорит, — тебя не признал, чуть в покойника не обернул!» Тут и Сивачев появился. Голова перевязана. На перевязке кровь, а лицо строгое, спокойное.

«Не тревожься за нас, дед, и вы, товарищи колхозники, не тревожьтесь!» За мной следом еще человек пять приползло. «Вас здесь безоружных перебьют, забирайте жен с ребятами, стариков — да в лес». И отправил всех обратно.

Тут опять пушки загрохотали, опять враг по заставе начал бить прямой наводкой. Дополз я до своей хаты, а вместо хаты — костер.

А время уж к полудню. Немец опять в атаку с трех сторон пошел. А Саша молчит. «Нет, — думаю, — жив он, угостит вас сейчас». И верно: стреляют, стреляют наши! Только звук уж не тот — один пулемет слышно с той стороны, где я Сивачева видел, и винтовок пять, не больше. Одних фашистов в гроб кладут, а другие лезут и лезут... Глядь, уж мимо колодца трое бегут, в руках гранаты, замахнулись да так в землю и плюхнулись, подкосил их

Сашин пулемет.

Тогда по земле гул прокатился. Из рощи выкатилось восемь танков. На бортах черные кресты. Грохочут, из пушек, из пулеметов палят. Один на переднем окопе вертится, другие — прямо на заставу.

Что это слышу? Песня! Грохот, пальба, а песня над всем, будто орлица, взлетела, и ничто не в силах ее заглушить. Танки остановились. А Александр Сивачев из окопов во весь рост поднялся, и за ним пятеро пограничников.

Запели «Интернационал» и с гранатами ринулись на фашистские танки...

Что дальше было, не видел: в погреб меня утянули. Смотрю — рука окровавилась. Раньше и боли не чуял.

Бой смолк только часа в два после полудня. Стороной ушел на восток.

Наши люди, кто посмелее, из погреба вышли, я за ними — и на заставу. Там угли, земля да кровь. Погибли наши дорогие товарищи, которые от снарядов, которые от пуль, а кто под танками. Вот как бились пограничники! Одиннадцать часов бились! Три танка пожгли. Шестьдесят четырех фашистов насмерть положили. А раненых и сосчитать было невозможно.

Ночью мы опять на место боя пробрались. Достали из-под обломков мертвых пограничников и дохоронили за околицей под дубом. Узнал фашистский комендант — с землей могилу сровнял. А на другое утро на том месте опять холмик вырос, и весь в цветах. Сколько раз ни разрушали враги ту могилу, она все нерушимой была.

В ночь на 3 июля — вовек этой ночи не забыть! — я с внучонком в поле за цветами направился. Насобираю цветов, ползу к могиле и сам себе не верю: над братским холмом огонь мерцает. Сначала будто светлячок, а потом все пуще.

Ярким пламенем поднялся.

Мне словно кто новые силы в жилы влил. Весь страх у меня перед фашистами пропал, встал я с земли, цветы вверх поднял, иду на алый огонь. А он словно из самой земли идет, живой кровью светится.

Подхожу, а огонь все выше, все шире — полнеба захватил. Поднялся я на холм, где пограничная братская могила была, понял: за лесом пожар громадный.

А утром, — продолжал дед, — пришел к нам в деревню пограничник — зеленая фуражка на голове, в руке автомат. И как он, по всей форме одетый, смог пройти мимо вражеских постов! Пришел, собрал нас, колхозников и говорит: «Сейчас из Москвы по радио приказ вышел. Родина наша зовет весь народ на борьбу с врагом. Велено создавать партизанские отряды, не давать фашистам пощады».

«А ты сам-то кто такой будешь?» — спрашиваем.

Он вынул из кармана красную книжечку: «Коммунист!..»

Тогда мы всей деревней и ушли в лес, к партизанам. Там узнали: ночью партизаны за лесом опрокинули под откос вражеский эшелон с бомбами.

Командиром у них был тот самый пограничник, а отряд назвали именем Александра Сивачева.

Старик оглядел нас.

— Мы, крестьяне, так решили: потому Александр Сивачев и его солдаты бились до последнего, что за народ воевали, за правду. Не довелось им увидеть светлый день, а знали, что придет он. На года вперед знали.

— А где сейчас командир вашего отряда? — спросили мы.

— Из Пруссии прислал весточку, фашистов доколачивает.

...В ясном небе который уж день не видно было фашистских самолетов и дыма пожаров.

Война пронеслась над лесами и долами на запад, за пределы родной земли.

Чуть поодаль от дороги широко раскинул ветви могучий дуб, и лист у него, не глядя на сентябрь, еще зеленый и крепкий. Под дубом, за голубой оградой, — красный обелиск, увенчанный золотой звездой. Молодые елочки обступили скромный памятник, чистый песок

желтеет на тропе.

Мы обнажили головы, подошли к могильному холму и положили на него рядом с выцветшей, полуистлевшей зеленой фуражкой поздние осенние цветы. Было нас восемь солдат, лейтенант и седой старик.

Кто-то вслух прочел:

— «Здесь похоронены героические защитники советской государственной границы, павшие смертью храбрых в неравном бою с фашистскими захватчиками двадцать второго июня 1941 года...»

Прошла минута, а может быть, три. Лейтенант подал команду. Мы вскинули автоматы и выстрелили залпом три раза. Это был наш салют в память людей, которых никто из нас не знал, не видел в лицо, но которые были для нас больше чем братья.